

МЕЖДУ ТУЗЕМЦАМИ И ЭЛИТОЙ: БАЛАНС ЭНДОГЕННОСТИ И ЭКЗОГЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (Часть I)

В.А. Шкуратов

Южный федеральный университет

Аннотация: *Концепт цинизма в редакции П. Слотердайка используется для сравнения современного западного критического мышления и сознания российской интеллигенции, а также её оппонента — бюрократической власти. Эти три дискурсивные позиции рассматриваются как усилия по удержанию идентичности, в их формирующих социокультурных контекстах. Измерение «внешнее-внутреннее» берётся как конституирующее для идентификационных схем российской элиты и для миросистемной устойчивости страны.*

Ключевые слова: *П. Слотердайк, критическое сознание на Западе и в России, цивилизация и миросистема, цинизм, Веймарская Германия, идентичность и самость, эгоцентризм, интеллигенция, мы-центризм.*

Предлагаемая статья отталкивается от концепта цинизма в редакции П. Слотердайка [Слотердайк 2009], хотя и не использует его в качестве инструмента аналитической дескрипции отдельных сторон постсоветской реальности. Вместо того, чтобы предаваться морализующей критике политического режима, я пытаюсь определить позиции критики, а также её оппонента внутри их социокультурных контекстов. Именно: позиции автора «Критики цинического разума», российской интеллигенции и российской власти. Эти позиции дискурсивны, они возникают в усилиях по формированию и удержанию идентичности. Феноменологию сознания мне придётся оставить. Теоретические построения статьи имеют характер схем контекстуалистского плана. Первая схема возникла из размышлений над страницами «Критики цинического разума» и биографией Слотердайка. Две другие продолжают идеи о российской письменной ментальности, излагавшиеся в моих публикациях с начала 1990-х годов. В предлагаемой статье контекст российского политического сознания расширен до миросистемы. Полезная разработка Ф. Броделя и И. Валлерстайна привлекла моё внимание, поскольку преодолевает цивилизационный подход (который сам по себе есть проявление идентификации) и может служить метаязыком при его снятии. Бродель помещает Россию среди миров-экономик на периферии европейской системы, Валлерстайн наделяет приставкой «полу-».

Указанная промежуточность, видимо, и позволяет стране делать цивилизационную карьеру. Возникают вопросы, почему так долго и насколько ещё долго? Апелляция к бес-

крайним пространствам и трудностям их аккумуляции до сих пор работает, однако имеется возможность извлечь объяснения из самой констатации «полу-». Измерение «внешнее-внутреннее» для периферийных переходных, догоняющих сообществ может считаться конституирующим. Его нельзя ограничивать географией, геополитикой, экономикой. «Внешнее-внутреннее» является характеристикой мирокартины, ментальным концептом. На эту квазипространственную горизонталь опирается иерархическая вертикаль власти, вдоль которой скользят соперничающие группы. Игра на поддержание горизонтальной мирокартины едва ли просто byproduct «реальной» промежуточности страны. Она её и удерживает от слияния с «центром». То, что в России игра ведётся долго, складывается в туры (циклы), позволяет говорить не только о политических технологиях, но также об устойчивых идентификационных штампах её элиты. Однако в уяснении идентификационных звеньев миросистемы макросоциальные построения Валлерстайна, к сожалению, не помогут. Короллариум к его глобалистике могла бы послужить концепция символического капитала П. Бурдьё. Счастливым уловленным Г. Дерлугьяном во время кавказских странствий соприкосновение мыслей американского и французского учёных, было, к тому же, в одном флаконе применено к советско-постсоветской истории [Дерлугьян 2010]. Но я не могу сказать, что получил ответ о влиянии российской политической идентичности на миросохранность России.

Россия — страна, в которой конкуренция интеллигенции и бюрократической власти имеет давнюю историю и признаки возвратно-поступательного движения. Хотя отношения двух фракций образованного класса доходят до антагонизма, в длительной исторической протяжённости общественно-политических циклов они поддерживают баланс эндогенности-экзогенности, от которого зависит идентичность промежуточной страны. Предположу, что этот баланс входит в условия выживания миросистемы. Поскольку мой тезис не может рассматриваться внутри дискурса указанных отношений, оттолкнувшись от случая, который числит себя после идеологий и просвещения, т. е. прибегну к помощи Слотердайка.

Веймарская Германия и постсоветская Россия

Постциническое кредо даёт ключ к сравнению критической рефлексии Запада с оппозиционным сознанием российской интеллигенции. Различия двух случаев стилистические, содержательные, целевые. Весёлая наука, которую Слотердайк предлагает потомкам воспитанника Тёрлеса, истерзанного чтением «Критики чистого разума», если и не есть замена глубоко почитаемого мучительного труда, то, во всяком случае, индульгенция тем, кто не сумел его осилить. Российская же образованная прослойка индульгенций не приемлет и настойчиво штудирует истины просветительства, дезавуированные Слотердайком. Книга 1984 г. показывает читателю, как не отождествляться с идеями, лозунгами, доктринами, партиями, тогда как дискуссии российских гуманитариев отличаются квазирелигиозным накалом и распределяют их участников по идеологическим группировкам.

Тотальный критицизм выводит за рамки социально-политической лояльности. В России брюзжание по поводу «бардака» всегда массовое, но удила лояльности туго натянуты и анархическое «против всех» не поощряется. Для одних — к сожалению, а для других к счастью. В чём едва ли возникнут разногласия, так это в том, что денацифицированная Германия и постсоветская Россия — разные исторические случаи. В качестве аналогов наследницы СССР привычнее числить Веймарскую республику, которая не просто садок всех разновидностей цинизма, но и гремучая смесь противоборствующих лояльностей.

В 1984 г., в Западной Германии, «немецкая республика аферистов» — история, труп. Его Слотердайк реанимирует ради изучения цинизма. Он использует метод предельного эмоционального сближения, который называет микрологией. Я бы привлёк более привычный термин — вчувствование. Но вчувствование у Слотердайка особого рода — «страдание аргіогі» [Слотердайк 2009: 16].

Заканчивается исторический раздел «Критики цинического разума» эпилогом, иронически-садистским описанием плевроального шока, парафразом медицинского эпизода из «Волшебной горы» Т. Манна о том, как человека вскрыли и стали тыкать в него там тупым предметом — в то, что вообще недоступно для прикосновений. Вещь посильнее «Фауста» Гёте, поскольку Фауста всё-таки не вскрывали, а унесли вверх духи!

Философия жизни в лице Слотердайка с помощью Т. Манна доходит до своего рефлексивного антитезиса. Если её классика серьёзно излагала о неизбежной мучительности первооснов жизни, то добравшийся до финала цинизм раздражается страдательной конвульсией тела и при этом изнемогающе хохочет. О..о..о..о.... — так вот в чём оказывается последняя истина. Больно, у..у..у..у... И в этом истина? Х-ха-ха..а..а...Вой, смешанный с хохотом. Боль есть очевидность, засвидетельствованная в гносеологическом суждении о несомненной своей ощутительности последней немецкой философией, уже обличившей все другие возможные подлинности.

И мы сможем изнемогающее похихотать, когда узнаем, что критика нашей идентичности — это ощущения при вскрытии её, т. е. нас. Но, скорее, примем синдром Антона Карловича Ферге, почтенного персонажа «Волшебной горы», за метафору. Слотердаик предусмотрительно берёт своим материалом веймарскую Германию. Во-первых, труп. Во-вторых, труп с хорошо задокументированной агонией. В-третьих, с превосходными рефлексивными описаниями этой агонии. В-четвертых, с хорошо известными последствиями защитного цинизма (ложного просветительства), поддерживавшими агонию почти 15 лет.

Веймарская Германия — это фальшивая демократия, несостоявшаяся республика, но-стальгирующая по монархическому прошлому, случай постимперской травмы, которую попытались лечить чумой. Состоянием «после империи» была и Третья французская республика, в первое десятилетие своего существования управлявшаяся монархистами. Она закончилась военной катастрофой и коллаборационистским режимом легитимистских расцветок. Кстати, подтверждается прискорбное для исторического оптимизма обстоятельство: свобода не наступает на следующий день после падения бастилий. Ту чехарду государственных режимов, которую открывает революция 1789–94 гг., едва ли можно подвести под единое социально-правовое обозначение. Во французской историко-политической лексике она выглядит так: Первая республика (1792–1799), Консульство и Первая империя (1799–1814/15), монархия Бурбонов (1814/1815–1830), Июльская монархия (1830–1848), Вторая республика (1848–1852), Вторая империя (1852–1870), Третья республика (1870–1940), немецкая оккупация и режим Виши (1940–44), временный режим и Четвёртая республика (1944–1958), Пятая республика (с 1958). Путь от старого режима к новому, понимая под таковым стабильный демократический строй парламентского типа, и во Франции, и в какой-либо другой стране, увы, много длиннее, чем шаг от «тирании» к «свободе». На родине Декларации прав человека и гражданина он занял 180 лет, если считать, что отпущенный этой стране запас революций и насильственных перемен был исчерпан к началу 1970-х-гг.

Наш компаративистский интерес состоит в переборе и сравнении вариантов — какой наш: германский, веймарский или французский, Третьей республики? Но, разумеется, история всегда особенна. При том, что мы можем повторять некоторые типологические черты и общие этапы движения от т.н. старых режимов в современность, полного параллелизма нет, и в одну историю, как в одну реку, нельзя войти дважды.

Слотердаик даёт возможность ретроспективно взглянуть на нынешнее состояние России с рубежа, ею не достигнутого. Повторю: я использую эту возможность не для обличения цинизма её общества и политики, а чтобы сравнить западную критическую мысль в своём контексте с отечественной в своём. К счастью, наши контексты не так различны, как в романах братьев Стругацких о научных сотрудниках Института экспериментальной истории, работающих на планетах с отсталым общественным строем. Поэтому позиция Слотердайка не

закрыта для нашего понимания. Но и перепрыгнуть из своего настоящего в чужое невозможно.

Идентичность или идентичность самости?

Немецкий философ представляется читателю как наследник той традиции Античности, которая давала отпор серьёзной учёности. С древнего кинизма «начинается сопротивление — борьба экзистенции, которую обучали пользоваться понятиями, против самонадеянности понятий и против обучения, которое было чрезмерно раздуто и превращено в форму жизни» [Слотердаjk 2009: 768]. Диоген использовал телесность наподобие логического аргумента против общества, уже познавшего яд и сладость философских умствований. Слотердаjk готов продолжить такого рода аргументацию, однако строить экзистенцию по заветам античного патрона он не спешит. Главки про высунутый язык, выпученные глаза, зады, гениталии и т. д. весьма краткие, и ведь это не руководство к действию (иначе профессору пришлось бы примкнуть к группе «Фемен»), а изюминка во вполне учёной книжной выпечке.

Слотердаjk с почтением относится к носителям критической теории в XX в. — В. Беньямину и Т. Адорно. Однако не спешит присоединиться и к ним: слишком минорны, плакси-вы, отрицательные переживания заслоняют позитивное начало. Терзания годятся для исторической вивисекции Веймарской республики, но сегодняшний человек предпочитает наслаждаться. Компанию «израненной критики» Слотердаjk пополняет фигурами Руссо, Шеллинга, Гейне, Маркса, Кьеркегора, Ницше, Шпенглера, Хайдеггера... В их ряды он тоже не хочет: «Я лишён амбициозного желания попасть в число страдальцев из этого достойного лазарета критических теорий. Настало время для новой критики темпераментов. Там, где просвещение выступает в роли «невесёлой науки», оно невольно способствует меланхолическому оцепенению. Потому критика цинического разума, скорее, обещает быть трудом, приносящим веселье, причем с самого начала ясно, что она не столько труд, сколько отдохновение от него» [Там же: 22–23].

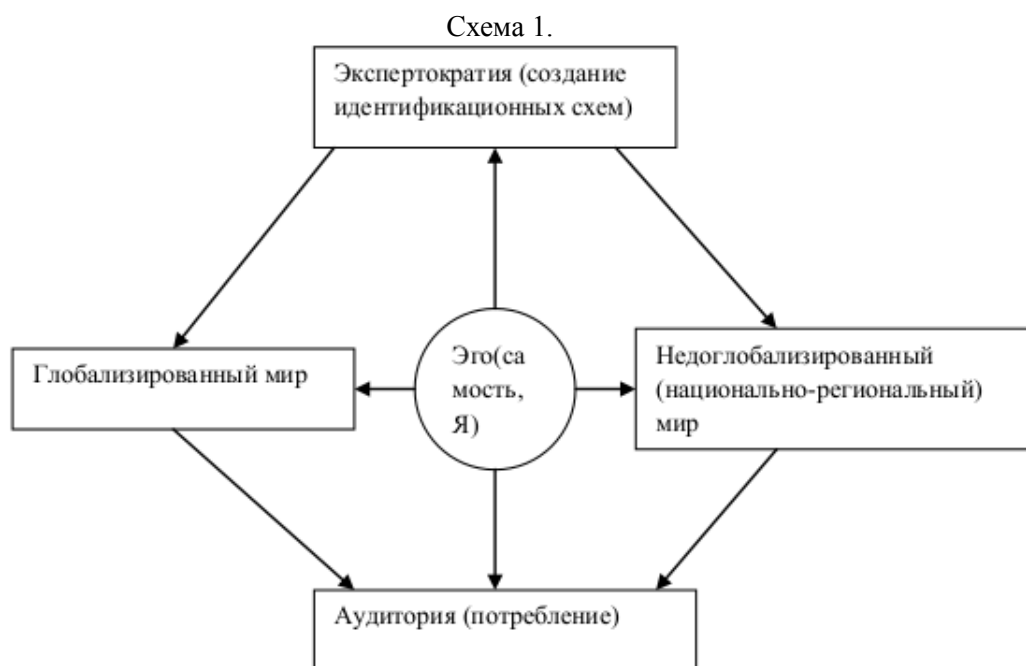
Предложение широкой публике дать ей другую философию едва ли где-нибудь, кроме, разве, Германии, эту публику воодушевит. Вспомним, что Германия — страна всеобщего, по крайней мере, начального, философского образования, и что Кант, Шеллинг, Фихте, Гегель, Шопенгауэр для её уроженца — такие же хрестоматийные фигуры, как Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов для уроженца России. Родина Гуттенберга является сейчас одной из самых читающих стран в мире, отобрав пальму первенства у нашей страны. Массовая культура не может обойти такой ресурс, как национальная классика. Проект Слотердаjка, сознательно или не очень, питается вовлечением в медийное пространство традиции философского чтения.

По истечении тридцати с лишним лет после выхода в свет «Критики чистого разума» уместно напомнить об упомянутом обещании и задать ряд вопросов. Удалось ли Слотердаjку реализовать своё заманчивое предложение и сделать из невесёлой старой критики весёлую новую критику, которая не столько труд, сколько развлечение? Имеется ли в виду, если говорить на медийном жаргоне, инфотейнмент, т. е. соединение информации с шоу, или же наука в более собственном смысле? Как конфигурируются постцинизм и постнеоницшеанство Слотердаjка контекстом массовой культуры и как выглядит в этом контексте его идентичность? Первые два вопроса в значительной степени риторичны, и я сосредоточусь на последнем.

Что удалось Слотердаjку, так это завалить книжные магазины Германии своей продукцией (40 книг после 1984 г.!), заполнить телеэфир своими интервью и шоу, стать главным публичным философом страны. Последнее словосочетание не очень понятно, но, видимо, оно в родстве с титулом поп-звезды. Играя роль свободного «внеаходимого» киника, Слотердаjk даёт пример постсовременного западного индивидуализма. Его цель — уклониться от любой идеологической позиции, но нельзя сказать, что он аполитичен, т. е. безразличен к

общественной жизни. Наоборот. Человек Никто существует в активной демонстрации разных интеллектуальных трюков, с помощью которых он отвергает любую политическую данность. Хотя Слотердаек декларирует свою индивидуальность как телоцентрическую, правильнее будет назвать её эгоцентрической. Социокультурная среда, в которой действует сегодняшний наследник Диогена — не городская площадь, а информационно-развлекательное пространство. На него Слотердаек работает в качестве свободного журналиста до выхода своего бестселлера и в качестве ведущего интеллектуальных шоу и провокативной медиаперсоны после.

Графически изображу, как существует идентичность интеллектуального эгоцентрика в его социокультурной среде:

Горизонтальная ось показывает размах медийно-информационной популярности знаменитых особ. Предваряя схематизации отечественного материала, отмечу, что координата экзогенности-эндогенности в западном варианте не требует от национальной звезды больших усилий по адаптации к зарубежной аудитории. Пространство массовой культуры сейчас столь обобщено и его стандарты столь унифицированы, что чемпионы спорта, поп-музыки, кино неизбежно становятся таковыми и за пределами своей страны. Относится это и к рынку интеллектуальной продукции. Пример Слотердайка тем более показателен, что немецкий философ как будто и не особо стремится выходить за пределы своего германоговорящего мира. Однако в глобализированном сообществе символический капитал так же транснационален, как финансовый. Из всех книг по философии, вышедших в Германии после Второй мировой войны, «Критика чистого разума» собрала самые большие тиражи. После этого она была переведена на более чем тридцать языков. По негласному рейтингу VIP-интеллектуалов, Слотердаек сейчас философ № 2 Германии после Хабермаса¹. По тому же негласному рейтингу, он — главный мировой постмодернист после смерти Ж. Бодрийера.

Экономика рейтингов, престижных шкал и других символических дериватов опирается на персонализированную мирокартину. Ведь оцениваются индивидуальные сущности: стра-

¹ Образцово-дотрошные серьёзные штудии Хабермаса — это как раз то, что, по Слотердаеку, надо отменить. Однако отношения между двумя светилами интеллектуального немецкого небосвода складывались неплохо до тех пор, пока очередная из провокаций Слотердайка не ударила в самое солнечное сплетение немецкой вины. Философ №2 призвал к селекции человеческого рода и философ №1 обвинил его в фашизме.

ны, компании, персоны. Центральное положение Эго в схеме означает легитимность индивидуальных проявлений в западной цивилизации, но также и то, что эти проявления в нашем случае являются товаром. Стрелки-лучи, идущие от светила коммодифицированного пространства в обе стороны, показывают, что капитализируются не только знания, открытия, идеи, мастерство, всякие достижения и таланты высокорейтинговой персоны. Её экстравагантность, непонятность, странные выходы равно идут в зачёт символически-престижного веса как проявления единственной самости.

Теперь обращусь к вертикальной оси. Она служит для изображения игр самости с налагаемыми на неё идентификационными схемами. Сделаю отступление, чтобы пояснить, каким образом представляю различие двух персонологических категорий, тем более, что в специальной литературе их соотношение рисуется весьма смутно. Между тем, уже само сложившееся словоупотребление даёт ключ к их разным значениям. Слово «идентичность» требует эпитета: психосоциальная, этническая, профессиональная, политическая и т. д. Самость же ни в каких уточнениях не нуждается и, более того, им противится.

Продвигаясь от феноменологического «я есть тот, кто я есть»² самости к её, самости, иному, мы оказываемся в охвате социума, который поручает присваивать звание самости культурным схемам идентификации. Эти схемы можно изобразить вложенными, концентрическими окружностями. Движение из центра начинается в онтогенезе от симбиоза плода и младенца с матерью. Затем человека вбирают в себя расширяющиеся круги семьи, сверстников, образовательных и профессиональных институтов, общества, цивилизации. Что касается историогенеза, то вообразим стоящий на острие цилиндр, который сложен из колец: маленькие кровнородственные группки внизу, выше — семейные и территориальные общины, племена, государства, союзы государств, планетарная общность человечества. Предположу, что эти круги есть: а) конструкты «семья», «община», «племя», «государство» и т. д., а не просто семья, община, племя, государство и т. д. как таковые и б) идентификационные схемы, убеждающие нас отказаться от физической изолированности, подозрительности, аналитизма по отношению к указанным «мы» нашего Я и принять их просто, как таковые.

Идентичности составлены разными идентификационными схемами и, собственно, состоят из них. Цель идентификации — групповая солидарность. Разные группы конкурируют за самость. Они привлекают Эго (самость, Я) в качестве маркера социализации, который присваивает индивида определённому «мы» через стирание зазора между идентичностью и самостью. Такие состояния идентификации, когда целокупность человека охвачена схемой как будто без остатка, особенно ценятся. В них вера подменяется религией, знание наукой, воображение искусством. Схематизмы конкурируют между собой как якобы самости («подлинные» определения «человеческой сущности»). Однако зазор не снимается. Конкурирующих идентификационных кругов много, да и личность способна сбрасывать надеваемые на неё этикетки. Первый случай предоставит возможность поговорить о России, определяющей себя через выбор разных предложений, второй — продолжить обсуждение западного эгоцентризма.

Определить принадлежность Слотердайка и подобных ему персон к правильному политическому спектру, идеологии, философскому методу, научной дисциплине и т. д. затруднительно. Даже казалось бы очевидный постмодернизм его под сомнением и наводит на мысль о неком «игривом (jovial) модернизме [Van Tuinen 2007]. Когда мэтр вроде бы серьёзно принялся за *opus magnum* фундаментально философского плана, то выбрал предметом пузыри, глобусы и пену [Слотердаик 2005–2010].

В качестве субъекта и подлинного Эго Слотердаик указывает тело. Он, как и Диоген, предлагает возлагать ответственность на естество. Но с естества взятки гладки. Тело, как известно, само по себе не обладает правоспособностью, не ведёт дебаты, не выступает с лекци-

² Первоначально — это самоопределение Бога. Так он отвечает на мольбу Иосифа назваться в книге «Исход» Библии.

ями и т. д. Ему нужны интерпретаторы. Интерпретаторы творчества маститого автора, его исследователи и знатоки, выступают и как эксперты по его личности, особенно когда она столь хитроумно адресует их к себе. На схеме они значатся под именем экспертократии, т. к. обладают приоритетом, напоминая власть, в создании схем, идентифицирующих исключительное Я. Этими схемами пользуется аудитория, которая делает себя под своих кумиров. Она потенциально совпадает с народонаселением, охваченным каналами массовой трансляции. VIP-мыслитель зависим от экспертократии в том, что касается обработки и трансляции его Я, истолкования его мыследвижений для массового потребления. В то же время он отвергает идентификацию себя с конкретными «мы». В таком отождествлении он ощущает угрозу своей самости, которая — его ресурс в функционировании на рынке символического капитала. Правила игры состоят в том, что одна сторона истолковывает, а другая разрушает эти истолкования движениями своей непредсказуемой персоны. Слотердаjk усматривает источник спонтанности в теле. С этим трудно согласиться, поскольку на интеллектуальный рынок поступают не соматические жесты, а новые слова, идеи, метафоры, мыслеобразы. Прямое обращение к «народу» затруднено, т. к. последний является аудиторией. Потребитель получает информацию через транснациональную и национальную сеть масс-медиа. Тёмные слова и речения интеллектуального гуру расходятся по б. ч. в форме реплик, афоризмов, сентенций, аннотаций, облегчённых изложений, подготовленных экспертами, и в гораздо меньшей степени от изучения его оригинальной продукции. В контуре символической экономики Это VIP-мыслителя играет роль сырья для восходящих циклов знаниево-информационной разработки, начиная от первичной текстовидеографии и кончая «хайтеком» статей, диссертаций, монографий. При размывании дисциплинарных границ науки гуманитарии и обществоведы группируются уже не только и не столько как философы, социологи, политологи и т. д., сколько как специалисты по Хайдеггеру, Фуко, Дерриде, Лакану, французскому структурализму, американскому прагматизму и т. д. Указанная тенденция, очевидно, работает в сцепке с эгоцентрированностью медиаполя, построенного как констелляции музыкальных, спортивных, политических, интеллектуальных и других звёзд. Вне экономического контура star пребывает закрытой индивидуальностью, оставаясь как таковая опорой системы.

Сам жаргон массовой культуры постоянно выводит и на другую, астрономическую, а не сырьевую метафору. Избранные самости составляют звёздные центры своих систем. Находящиеся в поле их тяготения фанаты взирают на своё солнце сквозь линзы идентификаций. Переход от замкнутого одноцентричного мира к Вселенной из бесконечного множества светил, следовательно, происходит и в социокультурном космосе. Однако нельзя сказать, что в гуманитарном регистре птолемея система мира уже везде заменена коперниканской и релятивистской. Неполная секуляризация мировоззрения, меры против разбегания идеологий и по удерживанию их вокруг Авторитета, монополизация каналов символического обмена и ресурсов для высокорейтинговой жизни — всё это возвращает нас к случаям, переходным от закрытого, централизованного мира к плюралистическому космосу множества Я□s. Приходится объединять астрономию с экономикой, ведь Россия закупает прогрессивные идеи и технологии, чтобы поддерживать свой социокосмос в докоперниканском состоянии.

Слотердаjk в России и наша идентичность

Отсутствие сродства между весёлой наукой Слотердаjка и серьёзными мыслями российской интеллигенции было подтверждено чем-то вроде очной ставки. Приехавшая по культурной программе дней Германии в России знаменитость выступила в Петербургском университете перед аудиторией в 400 человек 19 апреля 2013 г. с лекцией «Непрерывный Ренессанс». 65-минутный доклад, прочитанный на немецком языке с листа, судя по отчётам, сначала воспринимался с напряжением, а затем просто вежливо. Проводившая социологический мониторинг и экспресс-опрос аудитории группа констатировала, что «по мнению неко-

торых слушателей, с которыми мы, по окончании выступления, вступали в короткие диалоги, лекция была затянутой. Интерес аудитории стал угасать примерно с последней трети выступления. Показательно, что раньше окончания выступления заезжей звезды ушло порядка двадцати слушателей» [Семенов и др. 2013].

Лектор предлагал аудитории находить удовольствие в жизни во время эпидемии чумы. Непонятно, намекал ли он на Россию — речь шла о «Декамероне». Вопросы из аудитории не предполагались. Содокладчик Ф.И. Гиренок объяснил залу, что мышление Слотердайка клиповое, играет метафорами. Подобная стилистика лидеру нашего археоанвангарда должна была импонировать, однако «вечный Ренессанс» ему не понравился. Два других содокладчика высказали свои сомнения: «Доцент А.К. Секацкий убеждён, что всякое знание лишь умножает цинизм... Если судьба цинического разума состоит в том, чтобы быть сметённым новой наивностью, то как к этому следует отнестись: как к желанному варианту или неизбежному? Или как к некоторому основанию для печали, ибо понятно, что вслед за обновлением бытия почти автоматически с неизбежностью погибнут все достижения разума, которые совершенно не будут и не могут быть востребованы поколением новых юных совершенно не циничных людей. Профессор Александр Перцев, который переводил на русский популярную „Критику цинического разума“ Слотердайка, заявил, что из доклада философа сложно извлечь что-то нужное и полезное для современности, поскольку в наши дни проблема человечества заключается вовсе не в страшных эпидемиях, а в том, что „счастье“ подменили „успехом“» [Кофырин 2013].

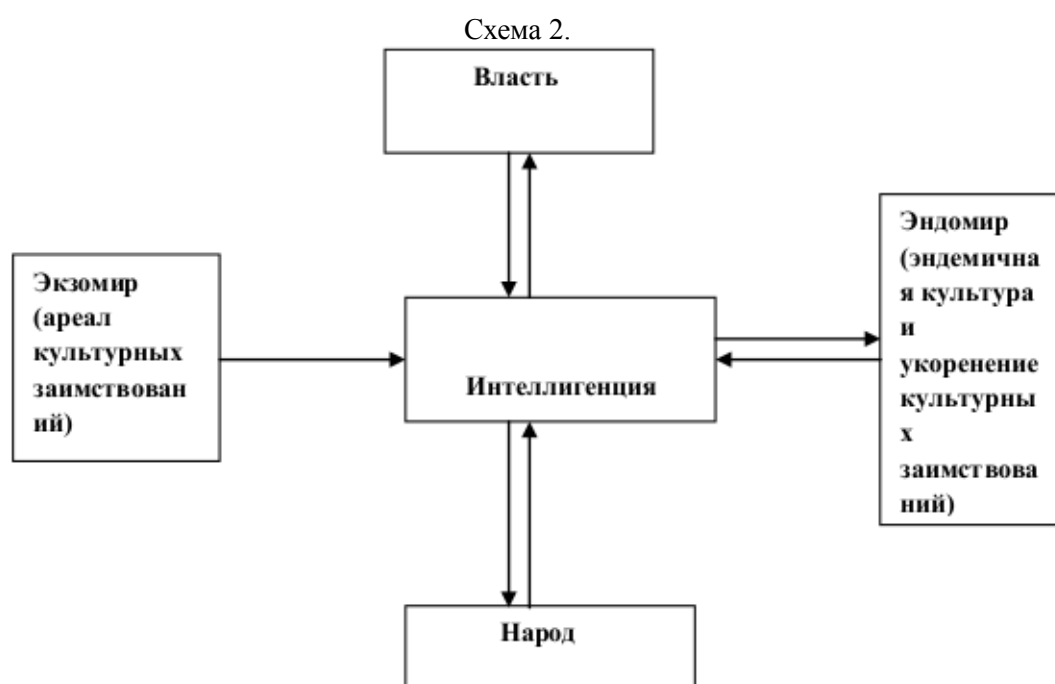
Реплики отчётов указывают на иную, чем в рассмотренной выше схеме, аудиторию. Дело даже не в том, что публика плохо подготовлена к восприятию заезжей звезды, а в том, что в обход слотердайковской весёлой науки, она нацелена на серьёзные вопросы. Перейду теперь от впечатлений встречи к типологии идентичностей.

Коллективное критическое сознание в нашей стране имеет социальное тело, именуемое интеллигенцией. Исходно и по существу интеллигенты — это читатели. Они и пишут, но в отношении к высокой литературе остаются, скорее, пользователями, чем творцами. Читатель, участник кружка для обсуждения прочитанного, распространитель изданий определённого рода, публицист, организатор публикаций, адепт и пропагандист всяких «измов» — таков генезис и социальное предназначение интеллигента. Высокая литература, философия своими средствами открывают первичные формы существования Я в мире и потому эгоцентричны. Интеллигенция разделяется на группы в соответствии с кругами избранного чтения³ и потому мы-центрична. При этом эксцентриситет единичного мыслительного или художественного мира она скругляет в узнаваемые клише для идентификации конкурирующих идейных лагерей.

Следуя за Б. Андерсоном [Андерсон 2001], можно отнести интеллигенцию к воображаемым сообществам; я применял обозначения «скриптогруппа», «скрипосообщество», «скриптокласс» [Шкуратов 2005; Шкуратов 2009], чтобы подчеркнуть её прикрепленность к пись-

³ Чтобы не быть голословным, приведу пассаж из статьи Д.И. Писарева (1861), в котором критик фактически отождествляет интеллигенцию даже и не с читателем вообще, а с читателем толстых литературных журналов: «Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают своё существование, и число их подписчиков несколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственною умственной пищею для нескольких десятков тысяч человек» [Писарев 1955: 97]. Писарев понимает, что журнальное поветрие возникло в России не от хорошей жизни, а по убогости. Больше читать нечего, да и публика такова, что больше ничего читать и не будет: «Большинство публики читает одни журналы, это факт, в котором мог наглядно убедиться всякий, кто жил в провинции и бывал в обществе какого-нибудь уездного города. Один экземпляр „Современника“ или „Русского вестника“ читается целым городом, переходит из рук в руки и возвращается обыкновенно к владельцу в самом жалком, истрёпанном виде... При этом некоторые отделы остаются совершенно не тронутыми и даже не разрезанными...» [там же].

менной цивилизации. Скриптогруппы получают воображаемое единство (идентичность), противопоставляясь как скриптокласс носителю альтернативного социального проекта. В до-революционной Европе Нового времени этот проект называется просвещением народа, его легитимный носитель — правящая бюрократия, другой скриптокласс письменной цивилизации. Критическая прослойка общества возникает в интерференции культуры и политики. Не будучи создательницей оригинальных философских, научных, художественных произведений, интеллигенция находит себя в публичном менеджменте идей и открытий. Упор делается на свободе мнений для решения социальных проблем. Идеологизируя сферу вольной словесности, интеллигенция представляет последнюю как собственный проект национального развития. Опираясь на литературу *per se*, класс читателей сооружает для себя контекст в виде тройственной мирокартины с политическим уклоном. Прибегну опять к графическому изображению. Новую схему уместно назвать интеллигентоцентрической:

Если схема 1 трансцендирует Эго (самость) в отношении к социальности, то схема 2 социальна — Эго (самости) в ней нет. В том, что расположено по вертикали, легко узнать вариант трёхфункциональной модели мира, обнаруженной Ж. Дюмезилем [Dumezil1968] у индоевропейских народов. В средневековой Европе она модифицировалась в трёхсословный порядок, составляющие которого (воины, священнослужители и труженики) Ж. Дюби назвал дискурсивными полемическими формациями [Dubu 1978]. Обобщающая этот порядок трёхфункциональная модель есть структура с идеологом («полемическая формация», «дискурсивная практика»), которая сама себя обосновывает. А.Я. Гуревич предполагает, что «как правило, эта классификация общества предпринималась не с осознанной целью набросать картину классов, сословий, «орденов» (ordines), состояний — она, скорее, произвольно возникала под пером того или иного автора, когда он пускался в резонёрство» [Гуревич 1981: 247]. Уточню, что в тернарной структуре в центре помещается духовенство, это его образ мира, и что автор, как правило, анонимный, совсем не стремящийся выпятить своё Я, а смыкающийся со своим сословием.

Российская интеллигенция как подобие секулярного жречества также приобрела определённые черты сословия. По мнению некоторых авторов [Леонтович 1980; Миронов 2000], сословный строй в нашей стране сравнительно с Западом формируется очень запоздало, в

XVIII — XIX вв. Моё предположение состоит в том, что на фоне этой поздней институциональной трёхсословности идёт разворачивание альтернативной просвещенческой триады «власть-интеллигенция-народ». В моём первом применении структурной схемы к отечественному материалу я полагал, что в западном средневековом варианте тернарной модели идеолог обосновывает своё социальное устройство, в то время как в российском — своё сознание [Шкуратов 1990]. Затем я пришёл к мнению, что в периоды явных размежеваний просвещенческой элиты (пореформенная Россия, перестройка и первое постсоветское десятилетие) этот схематизм оказывает заметное влияние на конфигурацию политических сил и ход событий в стране [Шкуратов 2005; Шкуратов 2006].

Разумеется, между формулой европейского феодализма и мирокартиной российской интеллигенции есть не только сходство, но и различия. Всё-таки христианское духовенство средневековой Европы и по статусу, и по самовосприятию было сословием номер один и помещалось на вершине феодального мироустройства. Являясь книжным, письменным, оно обладало реальными благами и привилегиями. Его положение нельзя назвать временным, нестабильным.

Совсем иначе ощущает себя интеллигенция. Она — «между» и вся в характеристиках промежуточности, переходности, прослоечности, условности. Ведь интеллигенция — это несостоявшееся духовное сословие России, равно как и несостоявшаяся часть среднего класса её современного общества. Состояться в качестве духовного сословия она не могла потому, что в XIX–XX вв. время сословий миновало. А дать начало средним и средне-высшим стратам современного общества она также не в состоянии, поскольку современного стратифицированного общества в России XX в. не возникло. Впрочем, в России указанное фантомное образование задержалось более чем на полтора века и, наверное, внесло вклад в устойчивую неустойчивость страны. Отвечать по счетам истории интеллигенция должна вместе с напарницей по просветительскому тандему — бюрократической властью. Однако вместе с ними к разбору надо привлечь и географически-геополитический фактор.

Если вертикальная ось схемы выглядит как разновидность индоевропейского универсализма, то горизонталь в большей степени указывает на специфику страны. Россия расположена между старыми историческими цивилизациями. Её размеры затрудняют культурную ассимиляцию соседями, а та же география мешает превращению в гомогенный социокультурный организм. Качество промежуточности, спроецированное на горизонталь, остаётся всё той же зависимостью класса культурных потребителей от первоисточников художественно-мыслительного опыта. Гегель, Шопенгауэр, Прудон, Маркс, Гюго, Бальзак, Жорж Занд, Диккенс, Ибсен, Метерлинк, Хемингуэй, Камю, Кафка, Ремарк, Сартр, Маркес приобретают у российской интеллигенции популярность, сравнимую с той, которой они пользуются у себя на родине, а иногда и превосходящую таковую. Бывает, (особенно в советские времена) это знакомство понаслышке, из вторых и третьих рук Плохая проницаемость государственных границ создаёт знанию из экзомира ореол сокровенности, а интеллигенции жреческий (иногда и мученический) престиж его толковательницы и распространительницы.

Итак, интеллигенция находится на пересечении горизонтального отношения экзогенности-эндогенности и вертикального — между правящей верхушкой и управляемой массой, как инстанция заимствования и осмысления иноземного культурного опыта и как посредница между властью и народом. Эти две функции развиваются параллельно. Связи интеллигенции по вертикали двусторонние, как и по горизонтали с её эндомиром (автохтонной эндемичной культурой, «почвой»). Интеллигенция то часть и служба власти, то её конкурент. Она то ходатайствует за народ перед сильными мира сего, то поднимает против них. Интеллигенция то пересаживает в «почву» иноземные инновации, то пытается раствориться в родной земле. Связи же с экзомиром я пометил одной стрелкой, как односторонние. «Оттуда» заимствуется больше, чем передаётся туда. Этот дисбаланс вызван «догоняющим» характером российской

модернизации и читательской вторичностью интеллигенции. К тому же, канал внешних связей традиционно находится под контролем власти.

И.А. Иванников: Мы ещё не осознали все, что сейчас было сказано, и тем не менее: Россия — это Евро-азия или Европейское государство?

В.А. Шкуратов: Так просто не ответишь на этот вопрос. С моей точки зрения новая Россия начинается примерно с 1600 года, в тот момент, когда она сформировалась в двух своих частях — Европейской и Азиатской, которая включала Сибирь. Но в этот момент вектор развития России был европейским, то-есть континентальным. Кстати, об этом пишет Вернадский Георгий Владимирович: Россия и США — континентальные державы и формируются в одно время. Примерно на рубеже XVI-XVII веков начинается осваивание колоний в Северной Америке и движение русских к Тихому океану. Ермак поклонился Сибирию Ивану Грозному.

В.П. Макаренко: Но Сибирь ведь тогда означала только примерно нынешнюю Тюменскую область.

В.А. Шкуратов: Я предпочитаю говорить, что это ещё Европа. Что развивается европейский вариант, европейская возможность развития. А южный степной вектор появляется как дополнительный механизм отношения со старыми земледельческими цивилизациями и другими религиями, которые моделируются по типу отношений с Золотой ордой. В это время и появляется азиатская имперская довеска. Империя начинает расширяться к Югу, в сторону южных хребтов. Мне кажется, когда Россия испытывает сильные удары, то она постоянно возвращается к Европейскому варианту развития, но затем опять отклоняется. Потому что у элиты есть возможность не осваивать, а прикупать идентичность. Ресурсов очень много. Они избавляют от необходимости прорабатывать идентичность.

Кстати, об этом же писал Бжезинский. Он сначала писал в стратегическом плане: самое главное для США — это Евразийский проект. В то время на месте СССР появилась чёрная дыра. Неясно было, что с ней будет. Вот и с моей точки зрения, евразийство — это некое южное движение государства, обусловленное его географическими конфигурациями. Россия занимает некоторую геополитическую нишу. А где её ниша? На юге, до южных хребтов. На Востоке — это океан, на Севере — океан. Следовательно, Россия является евразийской державой в той степени, в которой элита отвергает существо восприятия европейских ценностей. Они многослойны. Но пропуском в эти ценности в настоящее время является принятие западной системы власти. Элита этого не хочет.

И.А. Иванников: Раз вы вспомнили Бжезинского, то до украинских событий в 2013 году в одной из его книг он сказал: границы Европейского союза закончатся рядом с Южной Кореей и Японией. Сначала вступает Украина, потом Белоруссия, и по частям Россия. Как вы думаете, насколько реалистичен этот проект в свете современных тенденций?

В.А. Шкуратов: Бжезинский не меняет свои взгляды. Сейчас он выступает даже за федерализацию Украины. Но он стратег и политик, то-есть, мыслит так, что надо будет что-то делать с российской элитой. То ли договариваться, то ли применять к ней другие приёмы. Но в любом случае для Бжезинского стратегическая цель США — это управление миром. Потому что для Бжезинского США есть единственная мировая держава. Почему? Потому что Соединённые Штаты имеют опыт континентальной цивилизации. Они прошли от океана к океану, как и Россия. В то же время они восприняли от Европы опыт океанической цивилизации. Они унаследовали от колониальных империй: Португалии, Испании, Италии, Франции, Нидерландов и сам опыт глобального охвата — во все концы, по всему земному шару. Поэтому Соединённые Штаты являются единственными наследниками двух типов освоения пространства — морского и сухопутного. Россия в этом отношении ограничена. У неё только континентальный опыт. Поэтому с точки зрения Бжезинского её шансы малы. Эта его книга была написана в 1997 году. Я не знаю, изменил ли Бжезинский кардинально свои взгляды.

По-моему, нет. А у Киссинджера другая геополитическая концепция — консенсуса разных сил. Это даже странно, поскольку Бжезинский был советником демократа, а Киссинджер — республиканца Никсона.

Г.В. Драч: Спасибо за интереснейший доклад. Ваша этой модель уже нашла применение при вопросах и ответах. В ней меня привлекает центр. Не превращается ли он при обсуждении проблемы цинизма в слепое пятно? Что все эти понятия представляют для вас: Восток, Запад, формы, конституирование элит, передачи власти, агональные приёмы для Запада? Что вы бы охарактеризовали как центр в развитии обсуждаемых идей?

В.А. Шкуратов: Цель бывают разные. Как говорит герой пьесы Маяковского «Баня»: «Цели бывают разных луёв». Речь идёт о целях кратко-, средне- и долгосрочных. С моей точки зрения имплицитной целью человечества является его единство, та или иная форма глобализации. От этого никуда не уйти. Другое дело, как оно к ней будет подходить и каким вектором идти. Я думаю, что существует американо-евразийский вектор, который будет собирать государства европейского корня. И тогда Россия должна примыкать к Европе и Америке и быть естественным мостом. Но возможны отклонения по меридиану, которые будут требовать вступать в альянсы с исламскими государствами, восточными государствами, Китаем. Вот здесь обсуждались проблемы геополитики. Я не геополитик, но занимаюсь психолого-исторической культурологией. Мне кажется, будет иметь место конфликт между этими трендами. Формирование общечеловеческого единства займёт много времени. С моей точки зрения совершенно естественным для России является тесное сближение с родственными нам европейскими народами. Они родственны нам по языку, ментальности, культуре, историческим связям, а восточные народы все-таки нам не подходят. Я бы сказал, что европейский путь является наиболее логичным для России, и с точки зрения дальних перспектив политически наиболее выигрышным. Препятствием к нему является наличие некой миросистемы под названием Россия. Эта миросистема себя сохраняет, несмотря на некоторые моменты полураспада. В этих моментах Россия всегда возвращается к некоторому европейскому варианту развития, но почему-то всегда от него уходит. Потому что её элита привыкла идентифицироваться, прикупая, а не усваивая свою идентичность.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества*. — М.

Гуревич А.Я. 1981. *Проблемы средневековой народной культуры*. — М.

Дерлугьян Г.М. 2010. *Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. — М.

Кофырин Н. 2013. *Петер Слотердаjk, доклад в Петербурге*. — Доступно: <http://philosophy-ru.livejournal.com/204044.html>. — Проверено: 23.05.2015 г.

Леонтович В.В. 1980. *История либерализма в России (1762–1914)*. — Париж.

Мионов Б.Н. 2000. *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1*. — СПб.

Писарев Д.И. 1955. *Схоластика XIX века*. — Писарев Д.И. *Сочинения в четырёх томах. Т. 1*. — М.

Семенков В., Грибова О, Ходырева М. 2013. *Как социологи на лекцию Слотердаjkа ходили*. — *Credo New*. — № 3.

Слотердаjk П. 2009. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург-М.

Слотердаjk П. 2005–2010. *Сферы*. Т. 1–3. — СПб.

Шкуратов В.А. 1990. *Интеллигенция между организацией и самоопределением. — Организационно-управленческая психология. Проблемы и перспективы (материалы конференции)*. — Ростов-на-Дону: РГУ.

Шкуратов В.А. 2005. *Интеллигенция в проекте современности*. — *Логос*. — № 6.

Шкуратов В.А. 2006. *Искусство экономной смерти (Сотворение видеомира)*. — Ростов-на-Дону.

Шкуратов В.А. 2009. Похороны и торжества (к скриптополитике и скрипторелигии русской интеллигенции). — *Политическая концептология*. — № 4.

Duby G. 1978. *Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme*. — Paris.

Dumezil G. 1968. *Mythe et épopée. Vol. 1*. — Paris.

Van Tuinen S. 2007. Critique Beyond Resentment: An Introduction to Peter Sloterdijk's Jovial Modernity. — *Cultural Politics*. — Vol. 3. — No. 3.